

УДК 811.111'42

СЛОЖНЫЕ ДИРЕКТИВЫ И ИХ ИСТОРИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ В АНГЛИЙСКОМ ДИСКУРСЕ

**И.С. Шевченко (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина),
Л.В. Михайлова (Харьковский гуманитарный университет «НУА»)**

В статье пересматриваются существующие теоретические основания выделения сложных речевых актов директивов, уточняется интенционально-иллокутивная модель сложных речевых актов. Проводится анализ основных типов сложных директивов — комплексных, композитных, составных — и обобщаются их прагматико-семантические характеристики в английском дискурсе. Устанавливаются диахронические постоянные и переменные сложных директивов, определяются особенности диахронического варьирования сложных РА директивов в английском дискурсе XVI – XX вв.

Сложные речевые акты (далее РА) традиционно определяются как неминимальные единицы дискурса, изначально имеющие сложную акторечевую интенцию: при их осуществлении коммуникант планирует достижение минимум двух целей, реализуемых отдельными простыми РА-функциями — компонентами сложного РА, объединенными координативными или субординативными отношениями и оформленными, как правило, в виде сложного предложения [1]. Характер связей между простыми РА - функциями в составе сложных РА понимается неоднозначно (обзор научных мнений см. [2: 86-90]) и определяется как прагматическая контаминация [2: 87].

Методологической базой предпринимаемого историко-прагмалингвистического анализа сложных директивов служит системно-деятельностный подход к речевому общению, основанный на теории речевой деятельности, что предполагает трактовку сложного РА как системы и заставляет задуматься о лингвистическом статусе связей между простыми РА - функциями в составе сложных РА.

Производство сложного РА вызвано тем, что когнитивная деятельность адресанта делает его одновременно участником нескольких коммуникативных ситуаций (спрашивания и побуждения, констатации и побуждения и т.п.), что требует осуществления комплекса действий, достижения нескольких перлокутивных целей. Используя аспектно-блочный подход к моделированию РА [3], сложный РА можно представить как единство (не менее) двух ситуативных, интенциональных, локутивных, пропозициональных аспектов (за счет различий в РА – функциях) при сохранении общих адресантного и адресатного,

иллокутивного, метакоммуникативного, контекстного аспектов . Тем самым из 9 ведущих аспектов простого РА в сложном РА совпадают лишь 5, то есть имеет место частичное «наложение» прагматических характеристик. Эффект «наложения» наблюдается и в иллокутивной силе сложного РА, которая состоит из ведущей иллокуции, соответствующей иллокутивной силе доминирующего РА - функции, и сопутствующей, задаваемой иллокутивным аспектом подчиненного РА - функции. В сложных РА, состоящих из равноправных РА- функций, общая для них ведущая иллокуция сопровождается теми сопутствующими иллокутивными силами, которые присутствуют в компонентных РА – функциях.

Под директивом понимаем РА, иллокутивная цель которого — реализация волеизъявление адресанта, направленного на последующее осуществление адресатом связи между объектом и его признаком [4]. В результате интенционально-обусловленного объединения нескольких простых РА в сложные, где доминирующим компонентом остается побуждение, образуются сложные директивы. В соответствии с прагматической типологией сложных единиц речи В.И. Карабана выделяются три основных типа сложных РА — комплексные, композитные, составные, объединенные прагматическими, прагмасемантическими или семантико-прагматическими связями [1].

Использование системно-деятельностного подхода позволяет рассматривать аспекты речевого акта директива как систему, ориентированную относительно осей синхронии и диахронии. Прагматические явления, стабильные на оси диахронии, являются прагматическими постоянными; явления, принадлежащие одной из осей синхронии в избранных временных границах — прагматическими переменными. Единство и противоречие постоянных и переменных обеспечивает прагматическую эволюцию речевой коммуникации — процесс исторического варьирования как отдельных аспектов РА, так и дискурса в целом, основанный на принципе асимметрии взаимодействия системы и среды. По нашим данным, в XVI – XX вв. директивы функционируют во всех трех типах сложных РА, хотя их свойства и частотность варьируются в плане диахронии. Рассмотрим диахронически постоянные характеристики каждого типа сложных РА с побуждением подробнее.

В составных РА компонентные РА-функции иллокутивно и перлокутивно разнотипны и не связаны семантическими отношениями, однако благодаря их прагматической связи осуществление перлокутивной цели первого компонента делает возможным осуществление перлокутивной цели второго компонента. В составных РА дискурсивные отношения объединяют речевые и метаречевые акты. Принимая во внимание деление Д. Уилсоном и Д. Шпербером всей информации в дискурсе на

концептуальную и процедурную [5], концептуальную информацию усматриваем в способствуемом РА директиве, а процедурную — в РА-функции, который стимулирует процесс адекватной интерпретации адресатом директива и тем самым способствует достижению цели побуждения.

В качестве способствующих метакоммуникативных РА выступают обращения (*dear sir, Mr Smith, John, friends, mummy, honey etc.*); фатические метакоммуникативы — приветствия, прощания, аттрактанты внимания (*Hello, good evening, look, listen, I say, etc.*); метаречевые извинения в функции инициирования общения, например:

“Miss Eliza Bennet, let me persuade you to follow my example” (J. Austen)

“Good-bye, come back as soon as you can” (E. Waugh)

“Bring me the bill, I say” (J. Chase)

“Excuse me but prepare yourself for something very dreadful” (J. Austen)

Способствующие РА-функции — обращения реализуют несколько перлокутивных целей, обеспечивающих выполнение действия, каузируемого в способствуемом РА директиве: это привлечение и активизация внимания адресата, указание агенса действия, выражение адресантно-адресатных отношений. С прагматической точки зрения обращение в составе сложного РА является важным фактором, способствующим реализации директива, поскольку они компенсируют эффект ликоповреждения (*face threat*), неизбежно сопровождающий побуждение. Так, адекватно выбранная в соответствии с требованиями речевого этикета эпохи форма обращения усиливает степень вежливости высказывания, и тем самым способствует осуществлению побуждения. Например:

хозяин — слуге:

«Joseph, take Mr. Lockwood's horse and bring up some wine” (E. Brontë)

служанка — хозяйке:

“Mrs. Heathcliff, do point out some landmarks by which I may know my way home” (E. Brontë)

мать — дочери:

«My dear Lydia, do tell me everything” (J. Austen)

Обращение, выбранное с нарушением речевого этикета при неправильной оценке адресантом своего социального статуса и ситуативной роли относительно статуса и роли адресата, приводит к дефекту коммуникации. Например, желая унижить свою бедную кузину Джен Эйр, Джон Рид исправляет девочку, обратившуюся к мальчику, как к ровне:

*“What do you want?” I asked. – Say “What do you want, Master Reed” was the answer.
“I want you to come here” (Ch. Brontë)*

Намеренное использование обращения с эмоциональной окраской, как завышенной или уменьшительно-ласкательной, так и заниженной, конфликтно-ориентированной (*dearest of my life, son of a bitch etc.*), придает всему РА эмоциональную окраску, что также повышает воздействующий характер директива.

Обращение в предложениях с глагольным императивом в форме 2-го лица и в форме совместного лица с семантической точки зрения называет агенса каузируемого действия, что стимулирует выполнение искомого действия и особенно важно в ситуациях, где имеется несколько слушателей, для вычленения одного адресата или вовлечения в общение всех. Повышенная степень иллокутивной силы таких сложных РА в прагматическом плане объясняется тем, что обращения принадлежат к числу средств реализации стратегий позитивной вежливости (P4 «in-group identity markers») [6] :

“Gentlemen, step down for a moment” (W. Wycherley)

“Better go to your cabin, now, Johnny” (J. Chase)

Названные функции обращений — привлечения и активизации внимания, указания на агенса действия, этикетная и экспрессивная — способствуют достижению цели РА директива — выполнению желаемого действия. В сложных составных РА - директивах обращение как способствующий РА может располагаться в пре-, интер- и постпозиции к основному РА - директиву.

Фатические метакоммуникативы как РА-функции составляют лишь шестую часть всех составных директивов в нашей выборке, среди них преобладают формы привлечения внимания типа *Hey, Look, Listen, Hello, I say*, которые характерны для фамильярной речи, что находит подтверждение в [1]. Также зарегистрированы приветствия и прощания, оформленные в соответствии с речевым этикетом конкретного периода; причем, по нашим данным, последние встречаются в различных стилях речи:

“Hey, take this and let your man carry it for me” (W. Wycherley)

“Farewell..., my friend, go now and try to be happy” (E. Brontë)

Компенсация ликоповреждающего воздействия директива достигается также использованием извинений в препозиции к побуждению (около 15% зарегистрированных составных РА). Этот ритуализированный акт имеет широкий спектр использования и подходит, в том числе, для ситуаций нулевой информированности об адресате, когда употребление обращений и других социально-зависимых средств установления контакта невозможно. Метаречевое извинение (*Excuse me, Pardon, I’m sorry to disturb you*) существенно отличается от речевого извинения за допущенную оплошность: как РА-

функция оно вводит новую тему общения, сигнализирует начало реплики/диалога, придает побуждению определенную степень вежливости, о чем свидетельствует и его сочетаемость с маркерами вежливости *please (pray)* и т.д. Метаречевое извинение предшествует ликоповреждающему воздействию, а речевое следует за ним, тем самым первое имеет катафорический характер, второе — анафорический, ср.:

(1) *“Excuse me, please, will you help me?”* (E. Waugh)

(2) *“Forgive me for having taken up so much of your time”* (J. Austen)

В целом, по нашим данным, составные РА — доминирующий тип сложных директивов на протяжении исследуемого периода времени (их частотность колеблется от 33% всех сложных РА в XVI в. до 56% в XVIII в.).

Второй по частотности тип сложных РА директивов — **компаративные РА**. В компаративных РА директивах отмечается “сочетание простых директивов одного и того же иллокутивного вида, но могут также сочетаться директивы различных видов” [1]. Такие РА выполняют функцию координированных простых РА-функций и характеризуются составной локуцией, иллокуцией, перлокуцией. Прагмасемантические отношения простых РА-функций в компаративных сложных РА соответствуют значению дополняемого и дополняющего компонентов, например:

“Stay quietly at home, and be satisfied that we shall take no offence”
(J. Austen)

Денотативные аспекты простых РА, объединенных в сложный компаративный директив, находятся в отношениях дополнения; каузируемые действия нередко рассматриваются как хронологически расчлененные действия, соответствующие логико-семантическому отношению последования (first... then), например:

“Come, tell me the lady’s name and Handy shall pay you” (W. Wycherley)

Пропозиции простых РА - функций в составе компаративного директива объединяют отношения включения или пересечения, но не тождества, например:

— отношения включения:

“Take your choice, but you must be satisfied with only one” (J. Austen)

— отношения пересечения:

“Let not your heart be troubled, neither let it be afraid” (Th. Hardy)

В редких случаях обнаруживаем отношения контрадикторности:

“Don’t write, but come, and bring me something from Edgar” (E. Brontë)

“Let me come at once, or at once come to me” (Th. Hardy)

Полученные данные свидетельствуют о том, что в компаративных директивах реализуется общая перлокутивная цель: составляющие их простые директивы, как правило,

принадлежат к одной прагмасемантической разновидности, образуя композитные просьбы, композитные приказы и пр.:

«For Heaven's sake, be quick, and let me settle somewhere» (E. Brontë)

«Go fetch her, therefore, but do not tell her husband 'tis for my sake»
(W. Wycherley)

Анализ метакоммуникативного и связанных с ним адресантного и адресатного аспектов в английских композитных директивах обнаруживает, что статусные и позиционные роли говорящего с слушающего могут быть как равно-, так и неравноправными (включая все возможные комбинации: «снизу – вверх», «сверху – вниз», «наравных»): *«Be womanly, Win; make an outcry to your mother»* (B. Jonson), что оформляется в дискурсе широким спектром позитивных и негативных стратегий вежливости. Между тем для немецкого языка, по данным А.Н. Приходько, в композитных директивах прагмасемантическими типами простых РА – функций, как правило, являются инструкции и указания, в которых наиболее характерны отношения говорящего и слушающего «сверху – вниз» [2:220], что вероятно, можно рассматривать как свидетельство этнокультурной специфичности РА.

Комплексный РА представляет собой тип сложного РА, в котором «компонентные РА-функции находятся в субординативном прагмасемантическом отношении» [11.]. Комплексные РА директивы (так называемые обосновываемые директивы) состоят из главного РА-директива-тезиса и подчиненного РА-обоснования [там же]. В комплексных РА директивах обоснование, как правило, служит средством когнитивного эксплицирования одного из контекстных или ситуативных условий побуждения, например:

«Let her be called down, she shall hear my opinion» (J. Austen)

В семантическом плане РА-функции - обоснования, как правило, относятся к каузируемому действию — семантико-синтаксическому предикативному элементу, обозначающему искомое действие/изменение состояния или объект действия. Логико-семантические отношения между директивом-тезисом и РА-обоснованием включают: отношения причины, следствия, дополнения, темпоральности. Им соответствуют дискурсивные маркеры: причины *because, for, after all, since, for this reason*; следствия *so, thus, therefore, in any case, hence, consequently*; дополнения *that*; темпоральных отношений *when, while, before, after, by the time*, хотя главное и подчиненное придаточное предложения нередко объединены асиндетически. Например:

— отношения причины:

"You ought not to think yourself on an equality with the misses Reed and Master Reed, because misses kindly allows you to be brought up with them"
(Ch. Brontë)

— отношения следствия:

"Continue to act as a good girl, and you will satisfy us" (Ch. Brontë)

— отношения дополнения:

"And tell him also that he should set his fraternal heart at ease" (Th. Hardy)

— отношения темпоральности:

"Stand by me, then, and when I'm down, throw in a word or two to set me up again" (O. Goldsmith)

Целью обоснования директива-тезиса является повышение вероятности выполнения адресатом желаемого адресантом действия [1], причем обоснованию подлежат, как правило, условия искренности, мотив, дополнительные условия побуждения [там же]. В качестве РА-тезиса выступают как инъюнктивы, так и реквестивы. РА-обоснование, по нашим данным, реализуется в основном констативами, реже экспрессивами и комиссивами (менасивами), например:

"Be more charitable; there are worse men than he is yet!" (E. Brontë)

"Produce him now or go to hell" (Ch. Brontë)

В зависимости от позиции РА-обоснования относительно РА-тезиса в комплексном директиве зарегистрированы пре- и постпозитивные обоснования. В нашей выборке различные прагмасемантические типы директива не обнаруживают прямой связи с местоположением обосновывающего РА-функции, хотя некоторые авторы [1] отмечают вероятные соответствия прагмасемантических типов РА-тезиса, его обоснований и позиций, ср.:

"Here comes the gentleman; make him way" (B. Jonson)

"Get you a better friend; your brain breaks loose" (B. Jonson)

В английском дискурсе XVI – XX вв. комплексные РА директивы, по нашим данным, составляют около трети всех сложных директивов.

Сложные директивы способны реализовать не только три типа РА — составные, композитные, комплексные по отдельности, но и их **сочетания** в пределах одного сложного РА. Так, обнаружены сочетания составного с комплексным и композитным РА (1), составного и композитного РА (2), а также в отдельных случаях композитного и комплексного РА (3), например:

- (1) *“Don’t send her away, Eshton; we might turn the thing to account; better consult the ladies”* (Ch. Brontë)
- (2) *“Come, Madam, no more dissembling, no more jilting for I am no more a frank person”* (W. Wycherley)
- (3) *“Give her ten shillings, and be sure you tell the young gentleman I must be acquainted with her”* (W. Wycherley)

С точки зрения исторического варьирования в системе сложных РА директивов их прагматические типы (составные, комплексные, композитные) выступают как диахронические постоянные, а прагматические свойства отдельных типов сложных РА и их частотность — как диахронические переменные. Первые обеспечивают стабильность системы сложных директивов, вторые — ее развитие.

Наиболее существенные изменения в качественном и количественном плане зафиксированы среди составных директивов. Они затрагивают способствующие метаречевые РА-функции, реализуемые с помощью обращений и фатических метакоммуникативов. Так, обращения являются важным элементом речевого этикета в целом, в котором отражается ориентация принципа вежливости конкретной эпохи. В речи ранненовоанглийского периода обращению (и этикету в целом) придавалось повышенное значение: писанные правила речевого этикета, отражавшие разветвленную социальную иерархию елизаветинской Англии, закрепляли мельчайшие различия в положении коммуникантов. Правилами этикета предписывалось обращение к вышестоящей знати в официальных ситуациях общения с использованием титула и одного — трех прилагательных в положительной, сравнительной или превосходной степени. Обращение к равным по положению представителям знати сопровождалось, как правило, прилагательными в превосходной степени [7: 170-174]. Такие обращения, именуемые гонорифичными (*good my lord, my most loving liege, My lord High Constable, most noble queen, etc.*), выходят из употребления в XVIII в. Этикетно корректный выбор формы обращения является прагматически немаркированным, например, сотоварищ Фальстафа Пойнс приглашает принца:

“Now, my good sweet honey lord, ride with us tomorrow. I have a jest to execute that I cannot manage alone” (W. Shakespeare)

Опущение приличествующих по этикету гонорифичных форм даже в обращении короля к подданному — герцогу, прагматически маркировано и свидетельствует о гневе короля, сообщая директиву сопутствующую эмотивность:

“King. Worcester, get thee gone; for I do see Danger and disobedience in thine eye” (W. Shakespeare)

Обращение по имени, не частотное среди знати в XVI – XIX вв., занимает доминирующее положение среди обращений в неофициальных ситуациях в XX в. В XVIII – XX вв. все большую частотность в официальном общении, по нашим данным, приобретают обращения типа *Sir, Mr N., Miss N., Mrs N*, сменившие формы *mistress, master*, бытовавшие в XVIII в. В современной речи обращение *sir* остается принадлежностью ограниченного круга институционализированных ситуаций общения со старшим по званию в армии и на флоте, ученика и преподавателя в школе, клерка/продавца и клиента и т.п.

Среди фатических метакоммуникативов, функционирующих как способствующие РА в сложных директивах, существенно изменяются формы приветствий и прощаний, в то время, как аттрактанты внимания (*look, I say, listen*) остаются прежними. Так, в XVIII в. выходят из употребления характерные для времени Шекспира приветствия *How now, Hey day* и формируется современная система приветствий и прощаний:

“How now, Captain Fluellen, you must come presently to the mines; the Duke of Gloucester would speak with you” (W. Shakespeare).

Кент — Лиру:

“How do you, sir? Stand you not so amazed: Will you lie down and rest upon the cushions?” (W. Shakespeare)

В плане диахронии частотность составных директивов в. существенно возрастает к XX в. (табл. 1).

Таблица 1. Историческое варьирование сложных РА директивов

Тип сложного РА	Век				
	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX
Составные	33	32	56	50	51
Композитные	32	34	14	15	13
Комплексные	35	34	30	35	36
Итого	100	100	100	100	100

Композитные сложные директивы, по нашим данным, становятся менее употребительны в XX в. по сравнению с XVI в. (предельные колебания долей отмечаются между их частотностью в XVII и XX вв. — 34% и 13%). Тем самым в РА данной разновидности наблюдается устойчивая тенденция к снижению частотности. Можно предположить, что это обусловлено общей переориентацией принципа вежливости с XVI к XX в. с приоритетности сохранения позитивного лица на приоритетность негативного [8: 159-212]. В соответствии с этим принципом употребление нескольких одно- или разнотипных директивов в рамках композитного директива недостаточно для компенсации угрозы вмешательства, как того требует принцип негативной вежливости: композитные РА оказываются менее вежливы, и следовательно, менее эффективны, чем составные или комплексные (обосновываемые) директивы, ср.:

“You never spoke better in your whole life. Keep it up, and I’ll insure you the victory” (O. Goldsmith)

“Miss Eliza Bennet, let me persuade you to follow my example” (J. Austen)

“Let me alone; I am not well” (W. Wycherley)

В целом, отмеченные изменения в сложных РА, основанных на координативной связи составляющих простых РА – функций, а именно, в композитных и составных РА, можно рассматривать как своего рода «перераспределение» частотности в границах одной большой группы координативных сложных РА. Оно объясняется исторической динамикой составляющих простых РА – функций (которая не затрагивает простые директивы): в составных директивах гонорифичные обращения, характерные для XVI – XVII вв., выходят из употребления позже XVIII в., что приводит к общему снижению частотности обращений; в то время как в композитных директивах наоборот с течением времени использование фатических метакоммуникативов как РА – функций расширяется.

Как следует из табл. 1, комплексные РА директивы, основанные на связи подчинения их РА - функций, сохраняют стабильную частотность на протяжении изучаемого исторического периода. По местоположению вспомогательного РА в сложном РА директиве выделяют предварительно обосновываемые и последующе обосновываемые директивы [1], например:

“I haven’t yet had tea; bring the tray, and place cups for these two going ladies”
(Ch. Brontë)

Don’t start when I chance to speak rather sharply; it’s so provoking”
(Ch. Brontë)

В плане диахронии доля первых и вторых в составе комплексных директивов варьируется: по нашим данным, до 90% всех комплексных директивов XVI – XVIII вв. имеют обоснование в постпозиции к побуждению, а в XX в. таких РА лишь 60%.

Среди сложных директивов с последующим обоснованием выделяем:

- асиндетические конструкции с придаточным причины:

“Take a good look at that countenance — she’s near the point which would suit me”

(E. Brontë)

“Leave off now, they are gone” (B. Jonson)

‘Do not be alarmed, nothing of this kind will be done’ (J. Austen)

- синдетические придаточные причины:

“Direct me to her, as she won’t come to me!” (E. Brontë)

“Let the wretch take my fortune: since you are happy without it”

(O. Goldsmith)

В комплексных РА придаточное предложение причины связано с условиями искренности, что делает РА успешным [9: 145-185.]. Объяснение причин необходимости/возможности совершения каузируемого действия модифицирует иллокутивную силу побуждения, несколько увеличивает ее степень и в этом сближается с воздействием, оказываемым маркерами истинности в составе РА.

Таким образом, сложные директивы представляют собой не-минимальные единицы речи, образованные в результате частичного наложения аспектов их компонентов – простых РА – функций, которые имеют общие иллокутивный, контекстный, метакоммуникативный аспекты, но различные адресантный, адресатный, интенциональный, локутивный, денотативный и ситуативный аспекты. Директивы способны реализовать комплексные, композитные, составные РА, оформленные, как правило, в форме сложного предложения, причем в роли сложного директива могут выступать и прямые, и косвенные РА. Историческое варьирование сложных директивов в английском дискурсе не затрагивает соотношения РА, основанных координации и субординации в целом: частотность комплексных РА, с одной стороны, и составных / композитных РА, с другой, остается относительно стабильной. Однако эволюция оказывается существенной для РА, основанных на отношениях координации их компонентов, и выражается в «перераспределении» численности составных и композитных РА (доля первых существенно возрастает, а вторых падает) в результате исторической динамики составляющих их простых РА-функций.

Литература:

1. Карабан В.И. Сложные речевые единицы: прагматика английских асиндетических полипредикативных образований. — К.: Вища школа, 1989. — 132 с.
4. Приходько А.М. Складно-сурядне речення в сучасній німецькій мові. — Запоріжжя: ЗДУ, 2002 — 292 с.
3. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения. — Харьков: Константа, 1998. — 168 с.
4. Михайлова Л.В. Еволюція директивних мовленнєвих актів в англійській мові: Автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.04 / ХНУ. — Харків, 2002. — 20 с.
5. Sperber D., Wilsson D. Relevance: Communication and Cognition. — Oxford: Cambridge University Press, 1986. — 208 p.
6. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language use. — London, New York etc.: Cambridge University Press, 1987. — 345 p.
7. Шевченко И.С. Проблемы обращений и приветствий в исторической прагмалингвистике // Вісник Харків. ун-ту. — 1997. — № 390. — С. 170-174.
8. Brown R., Gilman A. Politeness theory and Shakespeare's four major tragedies // Language in Society. — 1989. — V. 18. — P. 159-212.
12. Davison A. Indirect Speech Acts and what to Do with Them // Syntax and Semantics. — New York, etc., 1975. — V. 3. — P. 145-185.

The paper focuses on theoretical principles of composite speech acts and practical analysis of diachronic variation of composite directives in the English discourse. The basic aspects of composite speech acts, especially their intentions and illocutions, are discussed and rethought. The pragmatic types of composite directives are of coordinated and subordinated nature, they include compound, adjoined and complex speech acts. The diachronic stable and variable elements of the pragmatic system of composite directive speech acts are singled out, the tendencies of their historic development in the English discourse of the 16th – 20th cc. are revealed.

Сведения об авторах:

Шевченко И.С., докт. фило. наук., профессор, зав. каф. делового иностранного языка и перевода

Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Тел: р.: 45-71-44, дом.: 36-49-78

Михайлова Л.В., ст. преп. Харьковского гуманитарного университета «Народная Украинская Академия»,

Тел.р.: 40-10-33, дом: 43-83-51

РЕЦЕНЗИЯ

на статтю І.С. Шевченко та Л.В. Михайлової

“СЛОЖНЫЕ ДИРЕКТИВЫ И ИХ СТОРИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В АНГЛИЙСКОМ ДИСКУРСЕ»

Стаття І.С. Шевченко та Л.В. Михайлової присвячена вивченню складного мовленнєвого акта в англійському дискурсі 16 – 20 ст. з метою встановлення його провідних прагматичних характеристик та шляхів історичного варіювання. За обраним об'єктом та підходами до його вивчення ця стаття є новим кроком у прагмалінгвістичних студіях, бо пропонує уточнення теоретичних засад виділення складних МА та практичні дані щодо розвитку складних директивів за останні 5 століть.

Актуальність роботи об'єктивується недостатньою вивченістю прагматичних засад складного мовленнєвого акта. У роботі систематизовані відомі принципи його вивчення та уточненні лінгвопрагматичні методи аналізу.

Спостереження, проведені під час дослідження дискурсивного матеріалу англійської мови 16 – 20 ст., дають можливість зробити ґрунтовні висновки щодо типових властивостей та напрямів історичного варіювання розглянутих мовленнєвих актів. Плідним, на наш погляд, є аналіз функціонування різних типів складних МА директивів, який робить внесок у прагмалінгвістику в цілому, та у вивчення історичної прагматики, зокрема.

Результати дослідження, отримані авторами статті, мають значну практичну цінність для подальших наукових розробок. Вони також заслуговують на широке використання у навчальному процесі в курсах теоретичної граматики англійської мови, у спецкурсах з прагмалінгвістики тощо.

У цілому, стаття І.С. Шевченко та Л.В. Михайлової за своїм об'єктом, предметом дослідження та підходом до їх аналізу відзначається актуальністю та новизною, має теоретичну та практичну значущість, виконана на високому рівні. Усе це дає підстави рекомендувати статтю І.С. Шевченко та Л.В. Михайлової до публікації у фаховій науковій збірці з філології в Україні.

Канд. філол наук, доцент,
завідувач кафедри англійської філології
Харківського національного
університету ім. В.Н. Каразіна

Л.В. Солощук